

ИСТОРИЯ, РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА

DOI: 10.54631/VS.2022.64-114863

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1370 г.

А. Л. Федорин¹

Аннотация. В истории Вьетнама практически каждая смена династии являлась или оформлялась как переход власти по женской линии. Чан Тху До, фактический основатель династии Чан, попытался построить такую систему передачи полномочий в рамках правящего рода (внутриродовые браки, назначение новых императоров задолго до смерти их отцов, отправка в монастырь вдовствующих императриц), которая бы такую возможность исключала. Она благополучно просуществовала более ста лет, но затем все-таки была разрушена. На основе анализа хроники «Полное собрание исторических записок Дайвьета» и китайских летописей автор показывает, что ключевым моментом в этом процессе был государственный переворот 1370 г., который все источники рассматривают как якобы успешное отражение попытки захвата власти чуждым династии Чан родом Зыонг, но который на самом деле как раз и стал отправным пунктом для окончательного слома системы Чан Тху До и в конечном итоге привёл к падению этой династии.

Ключевые слова: история Вьетнама в средние века, династия Чан, система наследования власти в дальневосточных империях, государственный переворот 1370 г. во Вьетнаме.

Для цитирования: Федорин А. Л. Новый взгляд на государственный переворот 1370 г. // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 42–50.

Дата поступления статьи: 21.10.2022

Дата поступления в переработанном виде: 31.10.2022

Принята к печати: 15.11.2022

Введение

В данной статье мы попытались проанализировать суть государственного переворота 1370 г. во Вьетнаме как начала слома особой системы наследования власти, существовавшей при династии Чан (1225–1400), призванной сохранить её в рамках правящего рода, и доказать, что это событие по существу и обусловило падение этой династии через 30 лет. Следует отметить, что в традиционной и современной историографии эти события всегда трактуются однозначно как успешно отражённую законными представителями правящего дома попытку узурпатора, не имеющего отношения к династии Чан, захватить власть в стране (см., например: [Khâm định... т. 1: 622–625; Lịch sử Việt Nam... т. 2: 429; Полная академическая история... т. 2: 143]). Нам не известны исследования, в которых ставилась бы цель разобраться

¹ Федорин Андрей Львович, д. и. н., н. с. Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0003-0336-0055. E-mail: ffeedd@list.ru

в сути случившегося и установить, а кто, собственно говоря, действительно был узурпатором в сложившейся ситуации.

Основным методом исследования стало обобщение всей имеющейся информации и выявление «второстепенных» деталей, позволивших взять под сомнение общепринятую точку зрения на происходившие тогда события, а также прямое сопоставление данных вьетнамских и китайских источников. Практически все факты, приведённые в данной статье, извлечены нами из летописи «Полное собрание исторических записок Дайвьета». Специальные ссылки приводятся только в том случае, если привлекаются сведения из других источников или исследовательской литературы.

Система престолонаследия династии Чан

Во Вьетнаме практически каждый приход к власти новой династии представлял собой победу женской линии правителей над мужской. Пожалуй, единственным исключением в этом ряду можно назвать основателя династии Поздние Ли (1009–1225) Ли Конг Уана (Ли Тхай-то, правил в 1009–1028 гг.), который, будучи начальником дворцовой охраны, самым бесцеремонным образом устранил малолетнего объекта своей охраны и занял его место. В связи с этим средневековым историографам пришлось создать целую теорию, оправдывавшую его действия, вылить ведра грязи на отца его предшественника и разыскать полдюжины «знамений», предвещавших приход к власти именно этого человека по воле Неба.

Классическим примером прихода к власти с использованием женской линии был и захват престола династией Чан. Авторство плана узурпации власти, особенно его финальной части, приписывают относительно дальнему родственнику будущего первого правителя династии Чан Каня, его троюродному дяде Чан Тху До, который, тем не менее, начиная с 1224 г. и вплоть до своей кончины в 1264 г. был фактическим правителем страны. Мы не будем касаться конкретных драматических событий, проходивших в Дайвьете, связанных с этим планом (они уже многократно и подробно описаны). Отметим лишь, что явный и бесспорный успех, которого добился Чан Тху До и его родственники в процессе захвата власти в государстве, с одной стороны, безусловно его обрадовал, но с другой — заставил задуматься над тем, что точно так же с потомками рода Чан в будущем могут поступить представители других женских родов, которые окажутся рядом с ними. И он решил создать такую систему перехода полномочий в рамках своей династии, которая бы напрочь исключала подобные возможности. Это система, подробно описанная в статье Та Ти Дай Чьонга [Tạ Chí Đại Trường 2009], состояла из трёх главных положений:

— отныне все значимые представители династии (в первую очередь, сами императоры и их дети) должны были вступать в официальные браки исключительно в рамках своего рода, и подлинными членами императорского дома Чан со всеми вытекающими отсюда последствиями, правами и привилегиями считались только дети от этих браков. Таким образом, потенциально опасные для престола места тестя и зятя императора всегда занимал его родственник по мужской линии, и при любом развитии событий власть за пределы рода уйти не могла;

— чтобы избежать второй угрозы — потенциальной возможности государственных переворотов в смутный период после смерти действующего императора — при династии Чан была введена практика, когда официальный наследник престола занимал его уже сразу после достижения относительного совершеннолетия, его же отец или предшественник провозглашался Верховным императором, сохраняя при этом все свои властные полномочия

вплоть до смерти или добровольного отказа от них (как в случае с императором Чан Нян-тонгом);

— наконец, обязательным элементом этой системы был и уход в буддийские монахины вдовы Верховного императора, если на момент смерти мужа она еще была жива.

Все эти три правила неукоснительно соблюдались около ста лет, но уже в XIV в. чёткая система престолонаследия в рамках династии Чан, придуманная и воплощённая в жизнь Чан Тху До, сначала стала давать сбои, а затем и вовсе рухнула. И началось это в период правления императора Чан Минь-тонга (правил в 1314–1329 гг.), который, несмотря на относительно молодой возраст (34 года), не стал дожидаться появления сыновей от своей старшей жены и одновременно двоюродной сестры императрицы Хиенты, но назначил наследником, а затем и императором 10-летнего Чан Выонга (будущий император Чан Хиен-тонг), который даже не был его старшим сыном. Его мать Ле Тхуан Ньонг никакого отношения к роду Чан не имела, и чтобы этот недостаток как-то исправить, «главной» матерью Чан Выонга была провозглашена все та же императрица Хиенты. Тем не менее впервые на горизонте вьетнамской истории замаячила фигура ещё пока не родившегося временщика Ле Куи Ли, которому Ле Тхуан Ньонг приходилась родной теткой по отцу.

За время формального нахождения у власти императора Чан Хиен-тонга (1329–1341 гг.) у императрицы Хиенты успели родиться два собственных сына, и после смерти императора власть впервые в истории династии Чан была передана не по вертикали (от одного поколения к другому), а по горизонтали (от одного брата к другому), дабы вновь вернуть её представителю главной линии. Императором был провозглашен младший из родных сыновей императрицы Хиенты 5-летний Чан Хао (император Чан Зу-тонг), поскольку его старшего брата Чан Нгуен Зука Чан Минь-тонг почему-то счёл «сумасбродным и буйным». Для государства же это назначение прошло практически незамеченным: Чан Минь-тонг как распоряжался всеми делами государства, так и продолжал ими распоряжаться вплоть до своей кончины в 1357 г.

Разрушению созданных Чан Тху До общих принципов правления и передачи полномочий в рамках династии способствовал и отказ жены Чан Минь-тонга и матери действующего императора Верховной императрицы Хиенты уйти после смерти мужа в буддийский монастырь, как это делали все её предшественницы. Оставшись во дворце якобы по предсмертному распоряжению Верховного императора, она вступила в борьбу за реальную власть в стране и сыграла одну из ключевых ролей в событиях, которые произошли чуть позднее.

В 1369 г., когда 33-летний Чан Зу-тонг смертельно заболел, вопрос о престолонаследии надо было срочно решать. Сделала это императрица Хиенты, причем строго в соответствии с традициями, заложенными Чан Тху До. Дабы сохранить передачу власти по главной линии и строго по вертикали, она приняла решение передать ее старшему сыну к тому времени уже покойного Чан Нгуен Зука, старшего брата Чан Зу-тонга. При этом она заручилась поддержкой умирающего императора, провозгласившего эту свою волю на смертном одре. Вновь назначенного императора, проходящего во вьетнамских исторических документах, под именем Зыонг Нят Ле, а в китайских — под именем Чан Нят Киен, в действительности, по-видимому, звали Чан Нят Ле (?–1370). Он был уже совершеннолетним человеком и даже имел собственных детей, по крайней мере, одного. Его матерью была безродная бывшая актриса, попавшая в гарем к сыну императора волей случая, а не по политическим соображениям,

какой-то альтернативной поддержки со стороны «женской линии» у него не имелось, поэтому выбор такого претендента, всем обязанного своей бабушке, предоставлял последней самые прочные позиции для сохранения контроля над императорским двором в своих руках. Тем не менее конфигурацию власти, предписанной традициями рода Чан, и в этом случае постарались сохранить в соответствии с прежними образцами: в том же 1369 г. нового императора женили на дочери одного из его родных (по отцу) дядьев — Чан Фу (будущий император Чан Нгетонг), сразу провозгласив её императрицей, таким образом предоставив её отцу хотя бы формальные возможности стать вторым лицом в государстве, т. е. тем самым «всемогущим тестем». Не будем забывать также, что «главной» матерью Чан Фу еще ранее была назначена именно императрица Хиенты, что ещё больше укрепляло его позиции. Впрочем, сначала некоторое время пост второго лица в стране занимал Чан Нгуен Чак, самый старший из оставшихся в живых сын Чан Минь-тонга. Чан Фу занял его место чуть позже.

Описание дальнейших событий, происходивших в Дайвьете в 1369–1370 гг., которое приводят официальные вьетнамские источники, крайне противоречиво и нелогично, что наводит на мысли о содержащихся в нём намеренных искажениях. Вот краткая летописная версия происшедшего.

Официальная версия переворота и её противоречия

Новый император не был родным сыном Чан Нгуен Зука. Его мать попала в гарем к сыну императора, будучи уже беременной от простого актера Зыонг Кхыонга, поэтому прав на престол он не имел. В самом начале 1370 г. Зыонг Нят Ле отравил императрицу Хиенты, чтобы ни с кем более власть не делить. После этого он стал вести себя неподобающим образом: пьянствовал, увлекался театром и даже захотел вернуть себе фамилию Зыонг (?!). Родственники дома Чан во главе со старшим из оставшихся в живых сыном Чан Минь-тонга Чан Нгуен Чаком в девятой луне 1370 г. составили заговор с целью свергнуть узурпатора и вернуть власть в свой род, однако осуществить государственный переворот им не удалось, и все участники заговора были казнены. В десятой луне «всемогущий тесть» Чан Фу бежал из столицы в горы, затем оказался в провинции Тханьхоа, где вокруг него собрались оставшиеся в живых и поддерживающие его родственники и соратники. Повстанцам удалось негласно привлечь на свою сторону командовавших всеми войсками страны Чан Нго Ланга и Чан Киня (еще один сын Чан Минь-тонга, будущий император Чан Зуэ-тонг), и в одиннадцатой луне они начали наступление на столицу. Лишившись поддержки армии, Зыонг Нят Ле сдался без боя, лично явившись встречать наступающие войска. Его понизили до Хондык-конга и оставили жить в столице, а императором стал руководитель повстанцев Чан Фу. Вскоре Зыонг Нят Ле заманил к себе своего бывшего главнокомандующего Чан Нго Ланга и убил его, чтобы отомстить за предательство. За это его казнили почему-то вместе с малолетним сыном.

Попробуем теперь отметить сомнительные и малообъяснимые места в этой версии.

1. При всей своей общепризнанности, данные о том, что Зыонг Нят Ле не был родным сыном Чан Нгуен Зука, выглядят весьма сомнительными. Официальный гарем в Дайвьете со строгими правилами, тщательной охраной, фиксацией евнухами всех его посещений был только у императора. Да и отношения с матерью Зыонг Нят Ле у Чан Нгуен Зука могли завязаться еще до её попадания в гарем. При этом даже мать ребенка не всегда точно знает, кто был его отцом. В любом случае будущий император Дайвьета родился, вырос и воспитывался в семье одного из старших сыновей Верховного императора, всё это время вполне ощущал себя наследником по главной линии, готовился к будущей миссии, по всей

видимости, даже не подозревая, что впоследствии его могут обвинить в отсутствии родственных отношений с династией. И на риторический вопрос из комментария Нго Ши Лиена: «Разве [Зыонг] Нят Ле, сын лицедея, не знал, что он не сын [Чан Нгуен] Зука?», — есть только один ответ: «Конечно, не знал!».

В истории Вьетнама было немало случаев, когда действующих императоров подозревали в том, что их высокопоставленные отцы не имели никакого отношения к их рождению. Вспомним хотя бы того же Чан Нян-тонга, который родился в 11-й день 11-й луны 1258 г., хотя его мать стала официальной женой Чан Тхань-тонга лишь в 8-й луне того же года. Или Ле Нян-тонга (правил в 1442–1459 гг.), чья мать точно так же попала в гарем к Ле Тхай-тонгу, якобы будучи уже беременной [Федорин 2020: 130–132]. Всё это не помешало им стать императорами и избежать при жизни прямых подозрений и пересудов. Очень похоже, что провозглашение Зыонг Нят Ле сыном лицедея Зыонг Кхыонга — это намеренная ложь победителей, направленная на то, чтобы придать хоть капельку легитимности дворцовому перевороту 1370 г., поскольку других поводов для свержения Зыонг Нят Ле просто не было: его выдвижение на пост императора полностью соответствовало воле покойного предшественника и абсолютно всем нормам и ритуалам имперской религии.

2. Не меньше сомнений вызывает утверждение о том, что Зыонг Нят Ле отравил императрицу Хиенты. Следует отметить, что авторы вьетнамских хроник обычно самым тщательным образом подходят к описанию подобных событий, уделяя им особое внимание. Для глав, посвящённых правлению династии Чан, это и смерть Ли Хуэ-тонга, и смерть Чан Фэ-дэ, и смерть Чан Тхуан-тонга, и смерть Чан Куок Тяна, которые описаны на страницах летописи во всех деталях. Здесь же всё сводится к одной фразе. Каким образом отравил, а, главное, зачем, совершенно не ясно. Даже если императрица Хиенты, как указывает хроника, очень скоро пожалела, что сделала выбор в пользу Зыонг Нят Ле, для него она все равно продолжала оставаться главной опорой и надеждой в условиях, когда ему противостояли всемогущие родственники, недовольные его назначением. В смерти императрицы скорее были заинтересованы будущий Чан Нге-тонг и его сторонники, поскольку уход столь авторитетного и многоопытного оппонента, фактически удерживавшего власть, развязывал им руки, что и показали последующие события. А возложить вину на человека, который уже никогда не сможет ответить на обвинения, было обычной практикой того времени. Достаточно вспомнить, например, что вина за смерть императора Ле Тьонг-зыка (правил в 1510–1516 гг.) в переписке с китайцами была возложена на повстанца Чан Као, хотя всем было прекрасно известно, что он погиб от руки своего собственного дяди Чинь Зуи Шана. Впрочем, прямых свидетельств тому, что с императрицей расправились будущие заговорщики из числа её родственников, тоже нет. Она, кстати, будучи уже пожилым человеком, вполне могла умереть и естественной смертью, которую выдали за отравление. В любом случае, версия ее гибели в результате каких-то действий Зыонг Нят Ле выглядит наименее вероятной.

3. В целях выяснения конкретных причин, побудивших взбунтоваться Чан Фу, ставшего по существу первым после императора лицом в государстве после смерти императрицы Хиенты и своего предшественника Чан Нгуен Чака, обратимся к тексту его стихотворения, адресованного брату Чан Киню, командовавшему всеми войсками страны, в котором Чан Фу просит его поддержать. Этот документ особенно интересен, поскольку по своей форме (поэтическое произведение) он весьма затрудняет, если не исключает любые поздние вторжения, что делает его наиболее аутентичной частью повествования.

- Превышающим по рангу всех [я] грубо оклеветан, и пришлось [мне] оставить свой пост,
- Спрятал себя, преодолев хребты и уйдя к варварам в горы.
- Семь гробниц — вспоминая прошлое, тысячу раз лил слезы,
- Десять тысяч *ли* — положил руку на сердце, и волосы на обоих висках поседели.
- Сорвём же происки У и сохраним Отечество [династии] Тан,
- Обрадуем же Лю и вновь узреем цивилизацию [династии] Хань,
- Ты, сударь, помнить должен дела [императора Чан] Минь-тонга,
- Отвоюем же священную столицу и назначим день возвращения!

Какие выводы можно сделать из этого текста? Прежде всего, Чан Фу явно был обвинён в каких-то преступлениях («грубо оклеветан»). Скорей всего, это связь с заговорщиками во главе с его старшим братом Чан Нгуен Чаком и участие в попытке государственного переворота, но вполне возможно и обвинение в убийстве императрицы Хиенты, о чём говорят строфы, стоящие чуть ниже. Под «происками У» несомненно подразумевается эпизод из истории Китая — попытка императрицы У Цзэ-тянь отнять власть у династии Тан и создать собственную династию Чжоу [История Китая, т. 3: 239–263], а под словами «обрадуем же Лю» ещё один такой эпизод — попытка императрицы Люй-хоу отнять власть у династии Хань (род Лю) [История Китая, т. 2: 240–241]. И, наконец, «дела Минь-тонга» — это, безусловно, изгнание и умерщвление в 1328 г. Чан Куок Тяна, родного отца всё той же императрицы Хиенты. То есть основной упор в призыве делается на противостоянии с императрицей Хиенты (к тому времени уже умершей!) и вообще ничего плохого не говорится о действующем императоре. Ни слова не сказано и о его гипотетическом родстве с лицедеем Зыонг Кхыонгом. На мой взгляд, направленность действий Чан Фу прослеживается вполне очевидно: он в этом стихотворении предлагает выступить не против Зыонг Нят Ле, а против главной линии династии в целом, олицетворением которой и являлась неугодная ему Верховная императрица, кстати, его приёмная мать.

4. По версии летописей Чан Фу бежал из столицы, чтобы, опираясь на родственников, вернуть власть, оказавшуюся в руках «узурпатора», не имеющего отношения к императорскому роду. В этом случае по логике событий ему следовало бы отправиться либо на основную родину, в провинцию Тхиенчюнг (современный г. Намдинь и его окрестности), либо на изначальную родину его предков в Иеншинь (современный уезд Донгчичеу провинции Куангнинь). Именно здесь располагались родовые поместья родственников династии, именно здесь набирались защищающие династию гвардейские части из числа местного населения, пользовавшегося существенными привилегиями как земляки императоров и готового стоять до конца, их оберегая. Но Чан Фу явно не был уверен, что все эти люди его поддержат, поэтому сначала бежал в горы (тогдашний Зяхынг в районе современной провинции Шонла), где можно было лишь укрыться, но собрать каких-то сторонников для противостояния действующей власти довольно сложно. Затем он перебрался в провинцию Тханьхоа, причём в конкретное место, на родину своей матери, в селение-*хыонг* Дайлай, где неподалеку через три десятка лет построит свою столицу Ле Куи Ли. То есть в своей борьбе за престол первоначально он опирался вовсе не на род Чан, лишь некоторые представители которого присоединятся к нему, и то позднее, а на клан своей матери, о котором, к сожалению, летописи ничего не сообщают. Таким образом, будущий император Чан Нге-тонг прибрал власть к своим рукам вовсе не потому, что все Чаны выступили на его стороне, а потому, что они в

большинстве своём лишь отказались поддержать Зыонг Нят Ле, сохраняя фактический нейтралитет и наблюдая за тем, как будет развиваться ситуация.

5. Версия вьетнамских летописей относительно событий 1370 г. полностью противоречит версии, содержащейся во всех китайских источниках. В соответствии с ними Чан Фу (или Чан Тхук Минь, как называют этого человека китайские хроники) — злодей-узурпатор, убивший правителя, получившего власть законным путем. Следует отметить, что обычно китайские источники не являются для нас основополагающими при изучении внутривосточных процессов во Вьетнаме. Как правило, китайцев эти процессы не сильно интересовали, в своих заключениях и действиях они руководствовались прежде всего собственными прагматическими интересами и, если это их устраивало, легко верили и соглашались с любой точкой зрения, доводимой до них властями их южного данника, даже не пытаясь её перепроверить или уточнить.

Но события 1370 г. — это особый случай. Дело в том, что они произошли как раз в тот самый момент, когда династия Чан вполне успешно заканчивала установление традиционных даннических отношений с пришедшей к власти в Китае династией Мин. Причём обстоятельства, при которых проходил этот процесс, были весьма благоприятными для вьетнамской стороны. Дело в том, что династия Юань не признавала императоров династии Чан в качестве законных правителей Дайвьета. При них среди данников Поднебесной эта страна занимала весьма скромное, если не последнее место, её послы допускались в столицу лишь в крайних случаях, дань забирали прямо на границе. В этой связи, в отличие от ситуации, которая сложилась при переходе власти от династии Южная Сун к династии Юань, Чаны не колебались при принятии решения о признании новых китайских властей и сделали это (уже в 1368 г.) одними из первых (если не первыми) из всех данников Срединного государства. Основатель династии Мин Чжу Юаньчжан высоко оценил такое поведение своего южного соседа и уже в 1369 г. вместе с возвращающимися на юг вьетнамскими послами направил в Тханглонг свое посольство во главе с придворным чтецом-*шиду* Чжан Инином и архивариусом-*дяньбу* Ню Ляном, чтобы они вручили императору Чан Зу-тонгу (в китайских летописях известен под именем Чан Нят Кхюэ) указ о его назначении правителем государства Аннам и покрытую золотом серебряную печать. Но на момент прибытия китайского посольства Чан Зу-тонг уже умер. Занявший престол Чан Нят Киен (Зыонг Нят Ле) попытался уговорить послов вручить все эти атрибуты власти ему, но поскольку указ был именным, сразу это сделать они отказались. Ню Ляна отправили назад, чтобы он привёз новый указ, а Чжан Инин в ожидании этого остался с печатью и подарками в Тханглонге и таким образом стал свидетелем всех происходивших здесь в 1370 г. событий и подробно и правдиво доложил о них китайскому императору [Minh thực lục, ch. 43: 847–848; ch. 51: 1006–1007].

По большому счету с точки зрения прагматических интересов Китая Минам было абсолютно все равно, кто стал или станет правителем Дайвьета, поскольку на отношения между двумя странами это никак не могло повлиять, но ситуация была настолько вопиющей, что Чжу Юаньчжан категорически отказался признать власть Чан Фу и выдать ему свою инвеституру, что фактически нивелировало все достижения вьетнамской дипломатии последних лет и, более того, в перспективе грозило активными попытками вмешательства Китая во внутренние дела государства, вплоть до вторжения победоносных китайских армий, недавно вновь объединивших всю страну [Там же, ch. 72: 1327]. Решать эту проблему пришлось уже в 1372 г., когда после всего двух лет прямого правления Чан Нге-тонг был

вынужден спешно формально отказаться от власти, став Верховным императором, причём престол он передал не по вертикали (своему сыну), а по горизонтали (якобы в другую линию), своему младшему брату Чан Киню (император Чан Зуэ-тонг), что удовлетворило в целом не стремящихся в то время к конфронтации Минов [Там же, ch. 88: 1566]. И хотя вплоть до своей кончины в 1395 г. Чан Нге-тонг продолжал оставаться всевластным правителем Дайвьета, и китайцы об этом прекрасно знали, иногда даже непосредственно к нему обращаясь вопреки дипломатическому протоколу, прислать подобающую в случае кончины правителя делегацию для проведения поминального ритуала усопшего они в будущем категорически откажутся, дабы это стало уроком для любого, кто посмеет прийти к власти, прибегая к столь противоправным, как у Чан Нге-тонга, методам [Там же, ch. 244: 3547].

6. Характерно отношение Чан Фу после победы к поверженному сопернику. Как известно, Чан Нят Киен на завершающем этапе отказался от вооружённого сопротивления бунтовщикам и добровольно вышел навстречу наступающим армиям. Если бы он действительно был узурпатором, действовавшим в интересах другой семьи, то его надлежало бы немедленно казнить самой жестокой казнью. Между тем Чан Фу встретил его как близкого родственника («Ведь и не думали, что сегодня дело обернется таким образом?»), сохранил за ним высокий титул знатности (Хондык-конг), который мог носить только близкий родственник императора, и даже разрешил ему продолжать пребывать в столице. Не припомнили свергнутому императору и массовое убийство родственников из дома Чан во главе с его дядей Чан Нгуен Чаком после недавнего неудавшегося переворота. Да, уже очень скоро от Чан Нят Киена поспешили избавиться, казнив его по обвинению в уголовном преступлении, но при этом почему-то убили и его ни в чём не повинного малолетнего сына, который совершенно очевидно в будущем мог бы стать главным претендентом на престол как старший правнук Чан Минь-тонга по главной линии. Характерна и казнь несчастных: их не четвертовали или обезглавили, но забили палками. Более того, после смерти обоим устроили похороны, даже известно, где находились их могилы. Это свидетельствует о том, что и в данном случае к ним отнеслись как к близким родственникам. Очень похоже, что версия о внесемейном происхождении этого незадачливого правителя возникла позднее, уже после его гибели, дабы оправдать действия Чан Фу как перед лицом населения страны (а вопрос о легитимности верховной власти во Вьетнаме всегда стоял очень остро), так и перед раздражённым минским Китаем, прекрасно осведомлённым об истинной подоплёке событий, для которого следовало придумать какое-то более-менее подходящее оправдание.

Заключение

С учётом изложенного можно констатировать, что описание существенной части событий 1369–1370 гг. во вьетнамских хрониках вызывает серьёзные сомнения в достоверности и правильной интерпретации (историю всегда пишет победитель) и очень похоже на попытку всеми силами оправдать одержавшего победу в ожесточённой борьбе за власть Чан Фу, чьи действия с точки зрения неоконфуцианской морали были абсолютно не праведными. Это в равной степени касается и происхождения Чан Нят Киена, которого обвинили в том, что он якобы являлся сыном простого актера, и уж тем более в совершенно бессмысленном намерении взять фамилию Зыонг, и причин смерти императрицы Хиенты, и сил, на которые опирался будущий император Чан Нге-тонг, чтобы отобрать престол.

В любом случае события 1370 г. ознаменовали собой окончательный и бесповоротный слом системы внутриродовых браков в династии Чан, любовно построенной Чан Тху До и

просуществовавшей более ста лет. Уже в следующем 1371 г. Чан Нге-тонг назначил на должность руководителя всей администрации страны своего родственника по материнской линии (родного племянника матери) Ле Куи Ли, что ранее при династии Чан было немыслимым, ясно продемонстрировав, кто на самом деле стоит за спиной заговорщиков, совершивших государственный переворот в предыдущем году. Дабы вписать Ле Куи Ли в систему внутривидовых связей династии, ему отдали в жены дочь Чан Минь-тонга принцессу Хуининь. Она ранее уже состояла в браке с родственником императорской семьи Чан Нян Винем, который по разным версиям либо был убит при первой неудавшейся попытке свергнуть Чан Нят Киена в 1370 г., либо был просто изгнан, чтобы освободить принцессу для нового замужества, и имела от него детей. Именно этот брак, в котором родился будущий император Ле Хан Тхыонг (Хо Канг), стал основой для перехода в 1400 г. власти по женской линии, которого так опасался Чан Тху До.

Вскоре Чан Нге-тонг присудил титул Верховной императрицы своей матери Ле Тхуан Ньонг: впервые за долгие годы и этот пост перестал принадлежать представителям семейства Чан. Система Чан Тху До окончательно рухнула, а вслед за этим вскоре рухнула и династия Чан, и к власти в стране пришла основанная Ле Куи Ли династия Хо (1400–1407).

Государственный переворот 1370 г. принято считать победой объединённых сил рода Чан над самозванцем Зыонг Нят Ле, попытавшимся узурпировать власть династии, однако анализ имеющихся исторических документов даёт основания полагать, что эта оценка, скорее всего, неверна. Более того, это событие, наоборот, окончательно сломало особую систему передачи властных полномочий в рамках этого рода, существовавшую почти полтора столетия, и было первым, но решающим шагом на пути полной утраты Чанами господствующего положения в стране, что и произошло уже через каких-то тридцать лет.

Список литературы

- История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 2. Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.). М., 2016.
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 3. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907). М., 2014.
- Полная академическая история Вьетнама. Т. 2. Средние века (1010–1600). М., 2014.
- Федорин А. Л. Вьетнамо-китайские отношения в 1-й половине XV в. // Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). Т. 5. Пер. с ханвьета, комментарий, вступительная статья и приложения А. Л. Федорина. М., 2014 (Памятники письменности Востока. СXXX, 5). С. 13–52.
- Федорин А. Л. «Скрытые указания» во вьетнамских летописях // Юго-Восточная Азия: от прошлого к современным трендам развития: коллективная монография. М., 2020. С. 123–131.
- Đại Việt sử ký toàn thư [Complete Annals of Đại Viet]. Ксилограф SA.PD 2310 на ханвьете (хранится в библиотеке Азиатского общества в Париже). (На ханвьете)
- Khâm định Việt sử thông giám cương mục [Одобрённое высочайшим повелением всеобщее зеркало вьетской истории, основа и частности]. Т. 1–2. Hà Nội, 2007. (На вьетн. яз.)
- Lịch sử Việt Nam. Т. 2. Từ thế kỷ X đến thế kỷ XIV [История Вьетнама. Т. 2. От X до XIV века]. Hà Nội, 2013. (На вьетн. яз.)
- Minh thực lục. Quan hệ Trung Quốc–Việt Nam thế kỷ XIV–XVII [Мин шилу. Отношения между Китаем и Вьетнамом в XIV–XVII вв.]. Т. 1–3. Hà Nội, 2010. (На вьетн. яз.)
- Tạ Chí Đại Trường. Phả hệ và chế độ nội hôn của họ Trần [Та Тъи Дай Чыонг. Родословная и система внутривидовых браков дома Чан] // Những bài đã sử Việt [По страницам неофициальных историй вьетов]. Hà Nội, 2009. Tr. 243–287. (На вьетн. яз.)